

Устав от ходьбы, У Ваньи опустился на качели. Внезапно лицо его исказилось от мимолетной гримасы, а рука невольно легла на живот.

Стоявший позади Ми Юньцзинь тихо спросил:

— Болит?

У Ваньи покачал головой.

Ощущение было слишком странным, чтобы делиться им. Ему казалось, будто внутри зреет новая жизнь — семя, которое Ми Юньцзинь заронил в его плоть.

Ваньи промолчал, но Ми Юньцзинь и без слов все понял. Он легко поднял юношу на руки и усадил к себе на колени.

Устроившись на качели, Ми Юньцзинь мягко, но уверенно приподнял его за подбородок.

— Открой рот.

У Ваньи взгляделся в лицо мужчины. Взгляд его слегка помутнел, но он послушно разомкнул губы.

Ми Юньцзинь наклонился ближе, и их теплое дыхание смешалось. От прикосновения мягких губ у Ваньи судорожно сжались пальцы, а сердце сладостно затрепетало.

Однако мгновение спустя в рот хлынул приторно-сладкий цветочный нектар. Ваньи поперхнулся, закашлялся, но чужие пальцы жестко зажали подбородок, заставляя сглотнуть все до капли.

Ми Юньцзинь обычно держался невозмутимо и неторопливо, но в такие минуты проявлял непреклонную, не терпящую возражений жесткость.

Глядя прямо в глаза партнеру, У Ваньи судорожно сглатывал, послушно принимая все, чем его поили.

В миг, когда их взгляды встретились, простая забота неуловимо изменилась, наполнившись совсем иным смыслом.

Ветер вокруг утих.

Спустя мгновение Ми Юньцзинь первым отвел взгляд и нехотя отстранился от его губ.

У Ваньи опустил голову с совершенно бесстрастным лицом, будто и не его взгляд только что горел лихорадочным, жадным блеском.

— Возвращаемся? — негромко спросил Ми Юньцзинь у него за спиной.

Глядя на покачивающиеся впереди цветы, У Ваньи тихо ответил:

— Давай посидим еще немного.

После недолгого молчания мужчина отозвался:

— Хорошо.

Качели плавно взмыли ввысь. Ми Юньцзинь обнял его за талию, позволяя надежно упереться в свою грудь.

У Ваньи слегка прикусил нижнюю губу. Влажный блеск смешался с выступившей алой кровью, оставляя на коже приятное покалывание и сладостную истому.

Долгие и мучительные недели реабилитации принесли плоды: У Ваньи постепенно заново учился двигаться самостоятельно.

Пускай тело все еще сковывала тяжесть, а при малейшем волнении руки и ноги немели и начинали крупно дрожать, он выглядел несравнимо лучше, чем прежде.

Самое главное — к нему больше не возвращались приступы неконтролируемой, слепой ярости.

Правда, теперь появилась другая крайность: юноша упорно отказывался покидать стены особняка и не отпускал Ми Юньцзиня от себя ни на шаг — стоило тому скрыться из виду дольше чем на десять минут, как у Ваньи начиналась паника.

Их старая вилла стояла в самом уединенном уголке, но все же не была полностью отрезана от соседних жилых кварталов.

На днях в пустующий соседний дом въехали новые жильцы — дружелюбная молодая пара.

Буквально в первый же день они решили выразить свое почтение и познакомиться с соседями.

Очаровательная и бойкая девушка принесла им домашнее печенье, которое испекла сама.

Так как У Ваньи с трудом передвигался, открывать дверь пошел Ми Юньцзинь.

Едва завидев мужчину, гостя так и застыла на пороге, пораженная его необычной внешностью. Из ее уст вырвался восхищенный вздох, а глаза загорелись неприкрытым восторгом.

Ми Юньцзинь с мягкой улыбкой поблагодарил гостью и преподнес ей в подарок розу пустыни.

У Ваньи молча наблюдал за этой сценой из полумрака гостиной.

Набежавшие тучи внезапно скрыли яркое солнце, погрузив половину его лица в холодную тень.

Сердце болезненно сжалось — точно так же, как в день, когда он узнал, что не был единственным, кого Ми Юньцзинь милостиво «спас» в мертвой пустыне.

Теперь любые ожидания казались жалкими и бессмысленными.

В груди медленно разгоралась глухая, удушливая злоба, грозящая вот-вот выйти из-под контроля.

Он не сводил глаз с Ми Юньцзиня, вежливо беседующего на пороге с новой знакомой.

Молодая соседка оказалась на редкость общительной. Она то и дело звенела колокольчиком смеха, так и брызжа безудержной энергией юности, тепла и беззаботности.

Не любить таких светлых людей было попросту невозможно.

У Ваньи и сам завидовал этому свету, но именно чужая чистота поднимала со дна его души уродливое, удушающее отвращение к собственной немощи.

Разум стремительно погружался в вязкую, липкую тьму.

Он ведь знал, до чего безгранично великодушные этого мужчины.

Роза, сорванная в самом сердце иссохшей пустыни, по-прежнему цвела на столе, яркая и полная жизни.

Как и все вокруг — густая зелень сада, бутоны цветов, легкомысленные бабочки у качелей.

Ми Юньцзинь оберегал любое дыхание жизни, словно родное дитя.

И сам Ваньи был для него лишь одним из этих хрупких созданий.

От этих разъедающих мыслей губы У Ваньи невольно раздвинулись в болезненной усмешке.

Но улыбка тут же погасла. Внезапная вспышка осознания окатила его волной ледяного пота.

Тот уродливый, полный ненависти человек, что только что кривился в темноте — это ведь он сам.

Собственная ядовитая злоба едва не сожрала его без остатка.

Внезапно стоявший у порога Ми Юньцзинь оглянулся на него. Девушка тоже заглянула в прихожую и приветливо, открыто помахала ему рукой.

Ее улыбка показалась настолько ослепительной, что У Ваньи инстинктивно вжался в кресло, торопясь спрятать лицо в густой тени.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Ми Юньцзинь наконец закрыл дверь и вошел в комнату.

Заметив, что юноша сидит неподвижно, низко опустив голову и судорожно стиснув подлокотники кресла, он тихо остановился рядом.

— Хочешь печенья?

Ми Юньцзинь взял его холодную руку и вложил в ладонь угощение.

Ощувив влажную кожу его пальцев, Ми Юньцзинь ничем не выдал своего присутствия духа. Он спокойно открыл коробку и сам поднес печенье к его губам.

Пряный, сладкий аромат ударил в нос, но у Ваньи лишь сильнее спазмами сжалось горло — к горлу подступил тошнотворный позыв.

Тем не менее он послушно приоткрыл рот и заставил себя проглотить кусочек.

Заметив, как взмокла его одежда, Ми Юньцзинь тихо проговорил:

— Пойдем наверх, нужно переодеться.

И хотя к Ваньки постепенно возвращались силы, все эти мелкие заботы Ми Юньцзинь по-прежнему брал на себя.

Юноша не пытался справиться сам, а мужчина не настаивал на обратном.

Подобное молчаливое потворство разжигало в груди Ваньки уродливую, собственническую жажду, готовую в любой миг выплеснуться наружу.

Но следом за ней, точно зловредная зараза, душу отравляли грызущий страх и бесконечное самобичевание.

Он просто не мог совладать с собой.

Болезненная привязанность к Ми Юньцзиню затягивала его, словно бездонный омут. Чувство было настолько сильным, что даже перед лицом смерти он желал лишь одного — мертвой хваткой вцепиться в него и утащить за собой.

Все равно ведь Ми Юньцзиню тоже суждено погибнуть.

Все равно тот больше никогда его не покинет.

Можно было отбросить всякий стыд и явить миру свои самые жуткие фантазии, намертво привязав мужчину к себе, пока они оба не обратятся в прах.

Однако остатки уцелевшего рассудка продолжали безжалостно пытаться его.

Стоило поддаться этому безумию — и пути назад уже не будет.

Он превратится в уродливую тварь, окончательно позабыв, каково это — быть человеком.

И этот липкий, первобытный ужас, точно ненасытная пиявка, намертво присосался к его сердцу.

Он и сам не знал, чего так боится.

Сама чудовищная сила этой похоти и привязанности пугала его до одури, лишая сна и покоя. Он безостановочно прокручивал в голове одни и те же мысли, но этот замкнутый круг не приносил ни ответов, ни облегчения.

Он блуждал в трех соснах собственного безумия. Каждая встреча с Ми Юньцинем дарила ему одновременно и сладчайший экстаз, и невыносимую пытку.

"Любовь ли это?"

"Люблю ли я его?"

Он не знал и не мог отличить одно от другого.

Ваньи скользнул затуманенным, отсутствующим взором по лицу мужчины.

— Ми Юньцинъ...

— Да? — тихо отозвался тот.

В полном одиночестве У Ваньи сидел на краю постели, глядя на выдвинутый ящик комода. Наваленные там разноцветные упаковки таблеток казались самым уродливым и честным отражением его убогой реальности.

Спустя долгое время он протянул руку и вытащил одну из коробок.

Самым страшным в его положении всегда была вовсе не угасающая плоть, а совсем иной недуг, который подтачивал его изнутри долгие годы.

Душа его давно была неизлечимо, смертельно больна.

Ваньи тупо уставился на картонную коробку. Его взгляд остекленел, а все звуки внешнего мира разом смолкли, словно его выбросило в глухой безвоздушный вакуум.

Он люто ненавидел таблетки.

Стоило проглотить хоть одну, как он окончательно превращался в сумасшедшего калеку.

В парию, которому нет места в этом чистом, благополучном мире.

Упаковка была пуста наполовину. По свежим надрывам фольги было ясно: он принимал их регулярно все последнее время.

Вытряхнув на ладонь две пилюли, он безучастно отправил их в рот и сглотнул сухое лекарство.

Однако почти сразу его лицо мертвенно побелело, и секунду спустя он судорожно согнулся пополам от подступившего к горлу спазма.

— Кха... кхе-кхе...

Желудок судорожно сжимался, выворачивая его наизнанку мучительными, пустыми спазмами.

Но выплюнуть, кроме этих двух злосчастных таблеток и едкой, горькой желчи, ему было нечего.

Вдруг за дверью послышались шаги. У Ваньи испуганно вздрогнул и поспешно выпрямился, пытаясь придать лицу невозмутимый вид.

Появившийся на пороге Ми Юньцзинь окинул его внимательным взглядом, после чего опустил глаза на его руки.

Поспешно убрав руку от ноющего живота, Ваньи хрипло выдавил:

— Я немного переведу дух и сразу спущусь.

Ми Юньцзинь убрал взгляд от его мертвенно-бледного лица и невозмутимо ответил:

— Хорошо. Не спеши.

Под этим внимательным взглядом Ваньи попытался подняться, но ослабшие ноги подкосились, и он покачнулся, заваливаясь вперед.

Ми Юньцзинь успел вовремя подхватить его за талию.

— Осторожнее, — негромко произнес он.

Вцепившись в шелковый рукав мужчины и упершись лбом в его плечо, Ваньи прошептал:

— Все в порядке.

Кое-как обретя равновесие, он побрел к выходу, так и не решившись поднять взгляд.

Ми Юньцзинь остался стоять на месте. Его взгляд опустился к подножию тумбочки, где на полу сиротливо белели две обслюнявленные пилюли. Его золотистые глаза потемнели, сделавшись пугающе глубокими.

Спустилась ночь.

Надавив на челюсть У Ваньи, Ми Юньцзинь разомкнул его губы и тонкой струйкой принялся вливать тягучий нектар.

Горло Ваньи судорожно сжималось, мешая глотать, его душил кашель.

Но стоило ему попытаться отвернуться, как жесткие пальцы заставили его повернуть голову обратно.

Не успевавший стекать нектар брызнул из уголков губ, липкими каплями прочертил шею и скользнул под воротник.

Ваньи во все глаза смотрел на него. Ми Юньцзинь по-прежнему казался бесстрастной маской, но в глубине его янтарных глаз больше не было прежнего, векового равнодушия.

В них затеплилась живая, человеческая эмоция.

И пускай эта искра была едва заметна, она разом стерла непреодолимую дистанцию, превратив непостижимое божество в кого-то осязаемого и близкого.

Едва хватка на подбородке ослабла, Ваньи согнулся пополам, шумно откашливаясь. Его губы влажно блестели в темноте.

Ми Юньцзинь убрал прохладную ладонь с его живота.

— Отдыхай, — тихо произнес он.

Однако У Ваньи порывисто перехватил его запястье.

— Поспи со мной, — взмолился он, не отрывая взгляда от его лица.

Ми Юньцзинь замер. Медленно, дюйм за дюймом, он поднял на него глаза.

Глубокие, темные глаза Ваньи, казалось, полностью растворились во мраке. Не выпуская чужой руки, он хрипло прошептал:

— Просто ложись рядом. Здесь.

Дикая дерзость, глупый порыв и удушливое упрямство заставили комнату погрузиться в звенящую тишину.

Ваньи отчаянно вглядывался в его лицо, силясь разгадать на дне золотистых глаз хоть каплю ответного чувства.

Ми Юньцзинь промолчал. Он лишь долго, немигающе созерцал его, а затем мягко высвободил ладонь из чужих пальцев.

Ваньи приоткрыл рот, но слова застряли в горле. Сердце камнем ухнуло в пропасть.

Но мгновение спустя мужчина отвел взгляд, опустил на подушку и прикрыл веки.

— Хорошо, — негромко согласился он.

Он не стал отказывать.

Сердце Ваньи, только что рухнувшее на самое дно, мгновенно взмыло к небесам.

От столь бешеного перепада чувств его щеки мгновенно залило румянцем. Судорожно вздохнув несколько раз, он дождался, пока утихнет колотивший его озноб, и лишь тогда осторожно повернул голову к лежащему рядом мужчине.

Его пальцы мелко, непрерывно дрожали. Было ли это диким восторгом, паническим страхом или подсознательным отторжением слишком близкого контакта — он и сам не знал. Разум балансировал на грани безумия.

Всю жизнь он терпеть не мог чужих прикосновений — телесная близость всегда казалась ему небезопасной, удушающей угрозой.

Но сейчас, когда этот мужчина лежал бок о бок с ним, сердце за ребрами колотилось с безумной частотой.

Темное, изнурительное вожделение схлестнулось со страхом в извращенной битве.

Безумное желание прилечь ближе и непреодолимый страх слились в одну сладостную,

изнурительную пытку.

У Ваньи сделал глубокий вдох.

Стараясь дышать через раз, он осторожно растянулся на матрасе.

Сейчас их разделяло расстояние длиною всего в ладонь.

Это было не так близко, как когда Ми Юньцзинь держал его на руках или прижимал к себе на качелях.

Но именно эта хрупкая дистанция рождала в теле самый жгучий, невыносимый трепет.

Не смея шевельнуться, он лежал на боку и жадно, не мигая, вглядывался в чужой силуэт.

Сквозь плотную ночную завесу бледные черты лица Ми Юньцзиня казались размытыми, почти призрачными.

И лишь когда сознание юноши окончательно уплыло в сонный туман, в тишине комнаты раздался тихий, почти невесомый вздох.

2

Сжимая в руке лейку, У Ваньи медленно шел вдоль цветочных клумб.

Вокруг него кружился пестрый хоровод лепестков. Тонкий, кристально чистый аромат наполнял легкие, а капли росы дрожали на бутонах и лениво скатывались по ярким лепесткам, полным первозданной, трепетной жизни.

Ми Юньцзинь бесшумно ступал следом. Его длинная коса спускалась на грудь, а их тени на дорожке сливались в единое черное пятно.

Солнечные лучи, преломляясь в водяных брызгах, дрожали крошечными радужными мостами.

У Ваньи застыл на месте, зачарованно разглядывая эту мимолетную красоту.

Затем он медленно поднял лицо к небу и зажмурился, подставляя веки теплоту, ослепительному свету.

"Покой, который я так долго искал... почему он оказался таким простым?"

Лазурное небо, шелковая трава под ногами, ласковый шелест листвы и пение птиц.

"Почему же раньше я не понимал, что все это получить так просто?"

Ноги юноши внезапно ослабли, он покачнулся, но чья-то теплая ладонь мгновенно поддержала его со спины.

Он вздрогнул. Ласковое, абсолютное чувство безопасности, исходившее от мужчины, окутало его, точно теплый кокон.

"Теперь-то я знаю, почему не мог найти покой раньше."

Опустив глаза, он беззвучно рассмеялся.

Счастье и тихий восторг в его груди трепетали, словно крылья испуганного мотылька.

Тук. Тук. Тук.

Пальцы разжались. Лейка с глухим стуком рухнула на землю, разбрызгивая воду, а сам он безвольно повалился навзничь.

Но стоявший сзади мужчина даже не шелохнулся. Его сильное тело послужило надежной, непоколебимой опорой.

Запрокинув голову и поймав взгляд Ми Юньцзиня, Вань не сдержался и снова тихо рассмеялся.

Причину этого смеха он и сам бы не смог объяснить.

Да и какая, в сущности, разница?

Он никогда не понимал, отчего человеческие эмоции столь непредсказуемы и сильны. Как они умудряются в один миг толкать человека в могилу, а в другой — возвращать к жизни.

Ми Юньцзинь держал его, не шевелясь, подобно вековому дереву.

Наблюдая за его тихим, беззаботным весельем, мужчина промолчал. Он лишь вновь устремил взгляд вдаль, и в его глазах застыла прежняя вековая безмятежность.

Казалось, ни одна мирская буря не способна затронуть струны его души.

Он совмещал в себе величие могучего дерева и легкость плывущего облака — вечно цельный, лишенный внутренних терзаний и сомнений.

Невероятно свободный, гармоничный и легкий.

У Ваньки плотнее прислонился спиной к его груди и тихо, облегченно вздохнул.

В его сказочных глазах, отражавших бесконечную лазурь неба, дрожали слезы.

Впервые за долгие годы мучительного прозябания на грани жизни и смерти у него родилась робкая мысль.

"Если бы только время могло замереть прямо сейчас..."

Ваньки казалось, будто он видит прекрасный, зыбкий сон.

Но от любого сна рано или поздно приходится просыпаться.

Наступила ночь.

Ми Юньцзинь сидел на краю кровати, бережно держа в руках потрепанный фотоальбом.

Его обложка заросла плотным слоем пыли — хозяин словно сознательно пытался предать эти снимки забвению.

Выйдя из ванной комнаты, У Ваньки сразу заметил этот альбом. Он замер на месте, долго не решаясь подойти, и лишь спустя минуту медленно приблизился.

Присев рядом, он застыл без единого движения, словно из него в один миг выкачали всю душу. Его остекленевшие глаза пугали своей пустотой.

Спустя долгое время он вспомнил: это его старый семейный альбом. Снимки людей, которых больше нет на этом свете.

Под шорох переворачиваемых страниц вереница воспоминаний калейдоскопом закружилась перед его глазами.

— Это мой отец, — внезапно заговорил он.

На пожелтевшем снимке улыбалась счастливая семья: интеллигентный мужчина в очках и изящная женщина нежно баюкали двухлетнего малыша.

Маленький Вань вобрал в себя лучшие черты обоих родителей: тонкие, благородные черты лица, огромные живые глаза. Настоящий юный аристократ, баловень судьбы.

Одного взгляда хватало, чтобы понять: этого мальчика ждет блестящее будущее.

Но теперь... перед Ми Юньцинем сидел изможденный калека с ввалившимися щеками и мертвенно-бледной кожей. Каждая черточка его израненного тела кричала о болезни.

Ми Юньцин перевел взгляд с его лица на фотографию, созерцая лица счастливых родителей, чьи глаза светились любовью к первенцу.

Если бы они знали, во что превратится их драгоценное дитя спустя годы, их сердца разорвались бы от боли.

— Он умер от рака, когда мне исполнилось десять, — бесцветным шепотом произнес У Вань.

Старые раны, казалось, вскрылись заново, выпуская наружу давно заблокированные воспоминания.

Они были обрывочны, но картины чужого угасания врезались в память с пугающей четкостью.

Всегда опрятный, статный отец лежал на больничной койке иссохшим скелетом — мертвенно-серый, с провалившимися глазницами. И все же, из последних сил глядя на сына, он упрямо пытался улыбаться.

Угасающий отец слабо взмахивал рукой, отсылая маленького Вань прочь из палаты.

Запах больничного антисептика был слишком тяжел для ребенка.

Вань медленно коснулся ладонью своего лица.

Его отец перед смертью выглядел в точности так же, как он сам сейчас.

— Он сгорел за полгода, — его губы двигались тяжело, деревянно. Было неясно, обращается ли он к спутнику или бормочет в пустоту.

Однако, стоило сорвать эту первую плотину, как говорить стало намного легче. Пытка молчанием закончилась.

Взгляд Ваньи постепенно прояснялся, наливаясь тяжелой, осознанной горечью.

Он держался на удивление хладнокровно.

Должно быть, эти раны успели покрыться толстым слоем пепла.

— Это моя мама. Она погибла в аварии, когда мне исполнилось четырнадцать. Ее насмерть сбил пьяный мажор на дорогой машине. Нам выплатили огромную компенсацию, а виновник отсидел пару лет.

Ваньи говорил ровно, сухо, словно зачитывал чужое уголовное дело.

Наблюдая за тем, как чужие пальцы листают страницы, он заговорил еще увереннее:

— А это бабушка. На тумбочке у нее стоит портрет деда. Я его никогда не видел — он скончался еще до моего рождения. После смерти мамы мы с бабушкой остались вдвоем. Она растила меня как могла.

Тогда он учился в старших классах и вовсю готовился к выпускным экзаменам.

Мир не давал сироте поблажек — жизнь требовала двигаться дальше, не оставляя времени на слезы и жалость к себе.

— Но у нее было больное сердце. В день, когда я сдавал выпускной экзамен, ее не стало. Нелепая трагедия: прямо на улице на нее упал самоубийца, решивший прыгнуть с крыши. Самое смешное, что этот прыгун выжил. А она скончалась на месте.

— Мне снова... выплатили кучу денег.

Лицо У Ваньи исказила болезненная судорога, похожая на смех. Было невозможно понять, какую эмоцию выражает этот оскал.

Заметив, что Ми Юньцзинь медлит, он сам забрал альбом и перелистнул страницу до самого конца.

— Потом меня забрали к себе дедушка и бабушка по материнской линии. С ними я и дожил до конца университета. В год моего выпуска дед тяжело заболел. Но он скрыл это от нас с бабушкой, решив поехать в больницу втайне. На полпути у него случился приступ, он упал,

сильно ударился и умер.

Ваньки методично стирал пыль с обложки рукавом домашней куртки. Чем яснее становился его разум, тем глубже он погружался в холодную, почти осязаемую апатию.

— В прошлом году ушла и бабушка. Благо, хоть она умерла спокойно, во сне. После похорон я вернулся в этот город. До меня дошли слухи, что убийца моей мамы пару лет назад вышел на свободу. Я хотел разыскать его... Но не успел. Меньше чем через полгода после освобождения этот ублюдок снова сел пьяным за руль и разбился насмерть. На этот раз погиб он сам.

А вскоре после этого У Ваньки получил собственный смертный приговор.

Ему исполнилось всего двадцать четыре, но вся его нормальная, человеческая жизнь оборвалась еще в десять лет — со смертью отца.

С того трагического дня его жизнь превратилась в непрекращающуюся череду утрат. Смерть забирала родных одного за другим, пока он не остался один на один с равнодушным миром.

А теперь и сам он стоял на пороге могилы.

Обидно, когда тебя называют игрушкой в руках судьбы.

Но Ваньки и представить не мог, каково это — быть для нее излюбленной мишенью.

Ему не давали ни единой передышки. В самые черные ночи он всерьез задавался вопросом: какими грехами в прошлой жизни он заслужил столь чудовищную кару?

На то, чтобы пройти путь от растерянности и боли к слепой ненависти и полному онемению чувств, у него ушли годы — те самые годы, которые его сверстники тратили на беззаботную юность.

Его распирала непреодолимая злоба. Он ненавидел этот мир, ненавидел каждого, кто смел быть здоровым и радоваться жизни!

В удушливые предрассветные часы он упивался самыми жуткими, извращенными фантазиями.

Ему хотелось, чтобы весь этот мир захлебнулся слезами и сошел в могилу вместе с ним.

Ему было плевать, кто пострадает. Абсолютно все равно.

Он просто знал, что окончательно сходит с ума.

Но стоило ему выйти на улицу и взглянуть на бурлящие проспекты, на бесконечный поток спешащих мимо прохожих...

...как в сознание вонзалась игла удушающей беспомощности. Он осознавал, насколько он ничтожен. Жалкая песчинка, неспособная изменить ровным счетом ничего.

"Да кто я вообще такой? Жалкое ничтожество..."

И тогда он принимался дико хохотать прямо посреди шумного проспекта, точно потерявший рассудок безумец.

Люди испуганно шарахались в стороны, провожая его брезгливыми и встревоженными взглядами.

Но именно с той секунды люди вокруг перестали существовать для него как личности. Они превратились в безликие символы.

Он больше не различал их лиц, чувствуя лишь непреодолимое отвращение и смертельную усталость.

Порой он ощущал себя раздавленной на асфальте букашкой, ненавидя весь этот сытый мир и избегая малейшего контакта.

А порой в нем просыпался надменный наблюдатель, взирающий на чужую мышиную возню с высоты своего скорого ухода.

Он мысленно презирал их суету и одновременно жалел их.

У Ваньки долго не хотел признавать очевидного: его рассудок сгнил давным-давно.

Но сегодня этот потрепанный альбом сорвал крышку со старого, заброшенного колодца. Впервые за долгие годы У Ваньки без прикрас заглянул в собственную душу и без иллюзий посмотрел на свой жизненный путь.

И впервые так отчетливо почувствовал, что все еще жив.

Жив вопреки всему — умирая от боли, но продолжая бороться.

Пелена спала с глаз. Он наконец очнулся.

Разум никогда еще не был столь кристально чист.

Он медленно повернулся к сидящему рядом партнеру. Ослепительно красивые, безупречные черты лица Ми Юньцзиня оставались прежними, но именно сейчас Ваньи понял, что впервые видит его настоящего.

До этого Ми Юньцзинь существовал лишь в его воспаленных фантазиях, оставаясь спасительным миражом, соломинкой для утопающего. Но не реальным живым существом из плоти и крови.

— Где ты нашел этот альбом? — тихо спросил он, взглянув на спутника.

Встретив его трезвый, осознанный взгляд, Ми Юньцзинь даже не шелохнулся.

— На самом верху шкафа.

Ми Юньцзинь раскрыл ладонь и негромко спросил:

— Ты по-прежнему собираешься принимать эти таблетки?

Ваньи вздрогнул всем телом. Вся путаница в его голове мигом уступила место звенящей ясности.

Его недавняя слабость, безумные иллюзии и ядовитая, извращенная жажда обладания в мгновение ока обратились в прах, точно рухнувшее каменное изваяние.

— Нет, — хрипло выговорил он. — Больше не нужно.

"Глупые иллюзии меня не спасут."

"И этот прекрасный сон, в котором я сделал его своим единственным спасением, никогда не сотрет шрамы моего прошлого."

— Хорошо, — покладисто кивнул мужчина.

С этими словами Ми Юньцзинь без малейших колебаний смахнул обе белые таблетки прямым в мусорную корзину.

Он понимал: болезнь У Ваньи не вылечить обычными аптечными пилюлями.